Вячеслав ЛЮТЫЙ

Точка роста и точка распада

Столкновение добра и зла в романе Анатолия Салуцкого «Немой набат»

В последние десятилетия в русской литературе почти не найти прозы, пронизанной идеей, вокруг которой могло бы вращаться колесо социальной жизни. Или, напротив: произведений, поверяющих здравым и государственным смыслом идеологическую оснастку общества. Изображение коллизий, связанных с героями повествования, часто оттесняет на задний план интеллектуальную подоплеку происходящего, и скрытое содержание, коим пропитаны дни нашего существования, оказывается названо слишком кратко или мимолетно. Практически нет романов, где динамика общественной мысли плотно соприкасалась бы с реальными действиями. Тем не менее, в числе крупных прозаических работ, посвященных девяностым годам минувшего века, можно назвать «Заполье» Петра Краснова; рубеж нулевых и десятых годов наступившего столетия отображен в романе «Крым» Александра Проханова. Однако в названных книгах судьба персонажей заслоняет идейное обрамление сюжета, и многое оказывается недосказанным, но – лишь обозначенным.

Кажется, единственная большая вещь о настоящем времени – недавний роман Анатолия Салуцкого «Немой набат. 2018 – 2020»1 – построен совсем иначе. Все, что касается героев, носит подчиненный по отношению к идейной подоплеке характер. Можно даже сказать, что самое главное тут – живописание современного российского общества в антагонизме либеральной идеи и практики – и консервативной мысли и действия. Поведенческое обыкновение лиц, предстающих перед читателем, дано совершенно отчетливо и нравственно определенно. Притом перед нами не контрастный сюжет, в котором «хорошие» противостоят «плохим» – здесь есть оттенки, которые дают представление о человеческом облике и о внутреннем мире первых и вторых.

Российское государство является главным героем этой большой книги. Его изъяны, беды и пороки, прикрепленные к последним годам второго десятилетия нового века, явлены в жестоко неприглядном виде. А само его функционирование прошито воздействием враждебных русскому началу сил. Хронология книги привязана к процессу транзита президентской власти, и это обстоятельство становится точкой сборки или разрушения России, где агенты чужеземного влияния насыщают практически все структуры власти, тормозят новые государственные проекты, ставят своих людей на важные административные посты, иссушают бюджет и забалтывают живые и созидательные смыслы. Конспирология романа превращается в физиологический очерк продажной отечественной бюрократии наших дней. Здесь хватает упреков и президенту, и его сановникам, но одновременно – на фоне распада власти набирает силу ее неявное пока еще обновление, в котором все более определенно угадываются приметы плодотворной русской традиции.

Персонажи романа принадлежат разным социальным слоям. Среди них бизнесмен и политолог, сельский житель и учитель-историк, документирующий общественные события, генерал и внедренный в сеть влияния сотрудник спецслужб. С другой, противоборствующей им «черной» стороны – авантюрист, стремящийся войти в круг важных персон; продажный журналист, еще сохранивший некоторые нравственные устои... И, наконец, американский куратор больших и малых фигур на поле российской политики и в государственном управлении. Главной разрушительной задачей темных сил становится инфильтрация в структуры власти своих людей, которые отбираются в среде амбициозных неудачников. Их поддерживают финансово, обеспечивают карьерный рост, а они выполнят любую задачу, поставленную перед ними заокеанским резидентом – человеком, не лишенным внешнего житейского обаяния. Вся его деятельность сосредоточена вокруг главного: разложить или низложить ненавистный «путинский режим» и перехватить управление страной.

В романе озвучена важная мысль-предостережение: «люди глубокого залегания», по своей духовной природе чуждые России и русскому человеку, способны успешно присоединиться к любой актуальной для социума доктрине, сохраняя до поры в тайне собственное сатанинское ядро. Многие из них включены в нынешнюю «элиту» и на новом этапе путинской власти показывают себя сторонниками преобразований, проявляя даже наглядную позитивную требовательность по отношению к происходящему. Мимикрируя в соответствии с программой дня и ловко манипулируя консервативными формулами, они остаются «на плаву», на верхних социальных этажах.

Сюжет книги наполнен спорами и дискуссиями, в ходе которых отчетливые черты обретают, казалось бы, привычные характеристики повседневности: деревня хранит государство, в отличие от городов; «кодекс бесчестия» бюрократической среды; московская зараза; существование на скате жизни... Параллельно потрясает картина страны, изъеденной коростой агентуры влияния, родной земли, мучительно пытающейся вернуть себе силу и достоинство.

Образ главной героини «Немого набата» Веры Богодуховой – молодой женщины, не потерявшей чувства чести и Родины, – несомненная удача писателя. В романе ее облик вызывает восхищение единомышленников и ненависть антагонистов. Точно и ясно говорящая, она кажется фигурой в большей степени «умственной», чем лирически-женственной. Однако отношение к семье как главному в жизни рождает вполне определенную аналогию: в Вере узнается современное воплощение пушкинской Татьяны.

Виктор Донцов, ее муж, представитель современного отечественного бизнеса, ориентированного на возрождение промышленности, занимается станкостроением – базовой отраслью индустрии. Выходец из обычной советской семьи, он добился благосостояния, но, сохранив открытость и душевную чуткость, не стал высокомерным.

Надо сказать, что русский бизнес показан в романе деятельным и ответственным. Его антипод – российская бюрократия, самонадеянная и презирающая простого человека. Точка роста противостоит точке распада, и книга Салуцкого изображает их видимое и скрытое противоборство.

Остановив действие романа на отметке 2020 года, автор не завершил многие сюжетные линии. Главная интрига произведения, которую составляет судьба российского государства, также требует своего развития. К тому же, перед читателем – очень точно найденная Анатолием Салуцким художественная форма, воплощающая замысел писателя. Очевидно, стоит ждать продолжения этой большой истории, которая так плотно соприкасается с действительностью.

Русский человек – дитя своей веры, он чувствует, что Россия преодолеет все беды. Эта интуиция, по существу, и есть лейтмотив романа «Немой набат».

Елена ГАЛИМОВА

«Врата в бесконечное чудо»

О поэзии Валерия Чубара

Имя Валерия Чубара – одно из самых заметных имён в современной литературе Архангельского Севера. Чубар удивляет и привлекает не в последнюю очередь тем, что он щедро и разнообразно одарён, диапазон его творческих возможностей очень широк и проявляется в различных формах. Это и журналистское дарование, и актёрское, и писательское, находящее воплощение в самых разных жанрах и видах литературы. При этом ощутима цельность его творческой натуры, обеспечиваемая неделимым ядром, которое определяет то главное, что составляет суть его многогранной личности.

Прочитав всё, опубликованное Валерием Чубаром, можно явственно увидеть две главные черты, два свойства созданного им художественного мира. Оба этих свойства определяются личностными особенностями автора.

Первое, из которого проистекают многие другие характеристики его творчества, – романтизм. Романтическое сознание, пафос романтизма связаны с двумя основными чертами. Во-первых – с неутолимой жаждой движения, бесконечного изменения, вечного становления, обновления, при этом движения, требующего преодоления. И, во-вторых, – с жаждой идеального и

чудесного, со стремлением к абсолютной гармонии, к совершенству. Заведомая недостижимость идеала не отменяет, а напротив, обусловливает неиссякаемую потребность в нём, бесконечное стремление к нему. Во все века именно романтики аккумулировали и передавали в своих творческих порывах прекрасные и несбыточные мечты человечества. В статье «О романтизме» Александр Блок – романтик в высшей степени, в чистом виде – называл романтизм «новой формой чувствования, новым способом переживания жизни». По Блоку, душа поэта-романтика «взглянула на мир по-новому, потряслась связью с ним, прониклась трепетом, тревогой, тайным жаром, чувством неизведанной дали, захлестнулась восторгом от близости к Душе Мира». Это стремление к прекрасному и несбыточному идеалу, как и жажда движения, безусловно, присущи Валерию Чубару и воплотились в его творчестве.

И второе свойство художественного мира Валерия Чубара – его драматургичность, театральность. В значительной степени оно связано с романтическим мирочувствованием, вытекает из него. О том, как именно проявляются романтическое и драматургическое начала в творчестве Чубара, покажем, обращаясь к его поэзии, к художественному миру его лирики.

На одной из встреч с читателями Валерий Чубар упомянул о том, что стихи он начал писать в студенческие годы, в Ленинграде. Он учился на факультете журналистики Ленинградского государственного университета, который окончил в 1984 году. «Это город, – сказал Валерий Николаевич, – который очень властно делает человека поэтом. Он очень поэтичен. И поэтому первые стихи у меня были очень питерские».

«Питерскими» юношеские стихи Чубара делают не только узнаваемые реалии, ставшие знаками, метонимическими обозначениями, манифестантами Петербурга и ключевыми образами Петербургского текста уже в поэзии Пушкина, Блока, Анненского, Ахматовой: мосты, каналы, дворы-колодцы, белые ночи, – но и особая эмоциональная окраска, особые строй, ритм, лад стиха, особая лирическая и интеллектуальная атмосфера поэтического мира. Петербург – Петроград – Ленинград с неизбежностью погружает человека в свою историю, «ведёт» по «культурным слоям», вплетает жизнь современника в общую канву трёхвековой жизни города. И лирический герой Валерия Чубара чутко воспринимает этот петербургский «код»:

Белой ночи белое вино –
ах, как кружит голову оно!
Пустота проспектов и аллей.
Белый пух, плывущий с тополей.
С неба капли тёплые тихи.
И – Андрея Белого стихи,
и – в трактирах ночи до утра,
и – фрегаты первые Петра...
Ночью сквозь прозрачный Ленинград
видно всё на сотни лет назад.

Это стихотворение («Белая ночь»), как и другие «ленинградские» стихи, – из первого поэтического сборника Чубара «Ангелы и самолёты», в который вошли стихотворения 1980-1984 годов. Некоторые стихотворения этого сборника, как, например, «Грустно под весенним дождём», напоминают пронзительную урбанистическую лирику раннего Маяковского и своей яркой, свежей метафоричностью, и внутренней экспрессией, накалом чувств, да и перекличкой образов («касаюсь рукой плеча / рыдающего трамвая» перекликается со строкой Маяковского: «тысячью поцелуев покрою умную морду трамвая»):

Деревья – мокрые чёрные скрипки,
подставившие струны
смычкам дождинок...
<...>
Уйти, не видеть,
как на чёрных струнах
ливень играет.
Ещё минута –
и я касаюсь рукой плеча
рыдающего трамвая
шестнадцатого маршрута.

(Речь идёт не о прямом влиянии Маяковского, тем более не о подражании ему, а о внутренней близости, о романтической природе натур, наделённых обострённым восприятием мира, ранимых, одиноких, сильно чувствующих.)

Такая метафоризация сообщает юношеской лирике Валерия Чубара особый драматизм, внутреннее напряжение. Этому же высокому накалу чувств способствует и почти тотальное олицетворение всех составляющих городского пейзажа. Олицетворяется и сам Ленинград, который ночами пытается «дотянуться до неба шпилями», а под утро, «светлой испив свободы, / застывает в рывке последнем / в сантиметрах от небосвода». Олицетворяются и его здания, улицы, мосты и реки («Большим задёрганным животным / дрожал под дождичком вокзал»; «Троллейбусы на мост взбираются, / не торопясь, кряхтя и охая»; «Где-то кричал корабль, как раненый кит кричал»).

Город становится не фоном, а активным участником лирического действия, и трудно определить, что первично: лирический ли герой «заряжает» своими эмоциями питерские крыши, дворы, мосты, улицы или это Ленинград делится с героем мощным зарядом чувств. Юный человек открывает для себя Питер и обживает его, ощущая этот единственный в своём роде город одновременно и неизведанным миром, terra incognita, и внутренне близким, сродственным его душе пространством, почти «вторым я».

Главным в лирической поэзии, её смысловым ядром, центром притяжения и предметом изображения является лирическое «я». И вся образная система, все составляющие поэтического мира так или иначе служат воплощению сущности лирического героя, передают его мысли и чувства, особенности его мировосприятия. Лирический герой юного Чубара воплощает в себе и яркую индивидуальность автора, и «родовые» черты романтического героя, и свойства, особенности целого поколения. Тем, помимо всего прочего, всегда и интересен лирический герой поэзии, что он с неизбежностью несёт на себе отпечаток своего времени, своей эпохи. Сколь бы исповедальной, личной, субъективной ни была лирика, этот след, этот отпечаток присутствует всегда.

Поколение, к которому принадлежит Валерий Чубар, взрослело в атмосфере предчувствия, даже ещё не ожидания – предощущения перемен, чего-то неопределяемого и неясного, но явно назревавшего.

Ленинград для лирического героя ассоциируется со свободой, точнее – с порывом к ней. Этот город для него и его друзей совсем иной, нежели столичная, кажущаяся чуждой Москва, где людей захватывает «сплошная погоня: / за деньгами, за модой, за славой»:

Ленинград нам готовил плохую погоду.
Счастье, слава –
об этом он сказок не плёл.
Обещал он нам только дожди и свободу.
Впрочем, нет, не свободу. Дыханье её.

Чувства, переполняющие лирического героя, сильны и при этом не очень понятны ему самому. Неудовлетворённость реальностью, неопределённость поиска, смутные надежды, смутные

ожидания, жажда действия, жажда подвига, чистоты, потребность в достижении чего-то очень важного, сверхценного, трудноопределимого – вот основная эмоциональная гамма сборника. Общее состояние – метафизическая тоска по абсолюту, по идеалу, то, что так хорошо знакомо и писателям-романтикам, и писателям-экзистенциалистам, да и многим юным людям разных эпох и разных стран. А мир, как всегда, не отвечает их чаяниям, не совпадает с их ожиданиями:

До отчаянья хочется
честных поступков и слов –
хоть в «металле», хоть в дереве –
но, ради Бога, скорее!
А над нами – в верхах –
сотня тысяч царит дураков.
А под нами – в низах –
сотня тысяч бомжей
ищет десять копеек.

В целом для ранней лирики Валерия Чубара характерен напряжённый драматизм, а порой и трагизм. При этом развитие лирического сюжета в его первых сборниках и циклах – это нарастание тревоги и горечи, что передаётся мотивами нежеланного взросления, утраты чистоты, наивной доверчивости и мечтательности, столкновения с жестокой реальностью жизни, со скучной и серой обыденностью человеческого существования, кажущегося бессмысленным. И крыши домов – те крыши, с которых юным героям открывалось бескрайнее небо и на которых целовались влюблённые, становятся захлопнувшимися над ними крышками склепов-гробниц: «И юность кончена – уже отвагой не горишь. / И звёзды падают с небес, и бьются в крышки крыш».

Горечь, которой проникнуты не только стихи одноимённого цикла, но нередко и стихотворения других периодов, становится доминантой лирики Чубара середины 1980-х – 1990-х годов, ею проникнуты, пропитаны мысли и чувства лирического героя, и это состояние передаёт общественную атмосферу эпохи, становится ха-

Анатолий АВРУТИН

Здесь длится война

Размышления над десятым томом Антологии «Война и мир...»

Верно сказал Сергей Есенин: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье». Может поэтому мне, живущему в Беларуси, показалось важным откликнуться на выход в России очередного тома антологии «Война и мир». Тем более что почти десять лет занимаются ей мои друзья-коллеги: автор идеи и президент Литературного фонда «Дорога жизни» Дмитрий Мизгулин и главный редактор-составитель антологии Борис Лукин.

Впервые я услышал об идее выпуска в свет этого уникальнейшего издания от самого Бориса Лукина, когда он на пару деньков завернул ко мне в Минск. Основной целью их с женой Галиной приезда было присутствие на проходивших тогда в Минске соревнованиях по водному поло среди юношеских команд, где блистал совсем не детским мастерством их старший сын Ваня… «Поболеть» приехали…

И, вольно или невольно, антология «Война и мир. Великая отечественная война (1941-1945) в русской поэзии XX-XXI вв.» стала лично для меня ещё и своеобразной летописью жизни семьи самого составителя. Трагически погибла Галина… Иван вырос многогранно талантливым, в отца, всерьёз увлекся не только литературой, где ему давались и стихи, и проза, но и театром, участвовал как актёр в постановках оперы и балета, снимался в кино, не оставлял и спорта… И при этом продолжал дерзновенно искать себя, своё место в жизни. Проучившись три года в Литературном институте им. Горького, взял академический отпуск и ушёл служить в морскую пехоту. Борис ездил к нему в Севастополь на присягу – есть фото, где они стоят, крепко обнявшись, на набережной, оба довольные и счастливые… А потом началась спецоперация на Украине и морской пехотинец, разведчик-пулемётчик Иван Лукин геройски погиб в боях под Мариуполем. Слава Богу, что Родина не забыла его подвига – и орденом Мужества посмертно наградили, и мемориальную доску в лицее, где он учился, открыли, а недавно и улицу в родном подмосковном селе именем гвардии матроса Ивана Лукина назвали. Отныне они оба, отец и сын, снова рядом…

Повторюсь, что издания подобного по масштабу данной антологии в отечественном книгоиздании доселе никогда не было. Разумеется, выходили многочисленные одно-двух-трехтомники со стихами известных поэтов-фронтовиков, но, чтобы так, всеобъемлюще, стараясь не пропустить вообще НИКОГО из писавших более-менее достойные стихи о войне… Начиная с тех, кто родился ещё до революции и заканчивая нашими современниками. Сотни и сотни имён, многие из которых ничего не говорили даже знатокам и исследователям. Тем не менее, составитель не просто нашёл их произведения, но и на каждого составил, пусть и коротенькую, но биографическую справку…

«Своего» тома я ждал ни много ни мало целых семь лет, эпизодически узнавая от Бориса, с каким огромным трудом шла работа над предшествующими. Помню, с какой жадностью развернул изданные в далеком 2015 году первые книги этого уникального издания. Перед этим Лукин просил немного помочь в подборе произведений моих земляков, белорусских поэтов. И обнаружив там стихи Миколы Аврамчика, Анатоля Астрейко, Петруся Бровки, Анатоля Велюгина, Петра Глебки, Александра Дракохруста, Алеся Жаврука, Алексея Зарицкого, Алеся Звонака, Кастуся Киреенко, Наума Кислика, Дмитрия Ковалёва, Якуба Коласа, Кондрата Крапивы, Янки Купалы (фамилии приведены в алфавитном, как в антологии, порядке), понял, что читатель действительно получит всеобъемлющую панораму советской и современной фронтовой поэзии.

Посмотрите, насколько современными выглядят строки белорусского поэта Александра Дракохруста из стихотворения «Славяне»:

Во взводе были парни из Казани,
И старый молдаванин, и еврей…
Но лейтенант басил:
«Вперед, славяне!» –
И все мы дружно лезли из траншей.
А в небе облака рвались, как мины,
А на губах полынь была горька…
Мы падали, припав к дрожащей глине,
Морщинистой и теплой, как щека.
Пусть не потомки
кривичей, дулебов –
Что из того? Кто усомнился в том,
Что с этой вот землей
и с этим небом
От века мы не связаны родством?

Как же нам не хватило этого единства разных национальностей, когда рушилась великая страна, как же не хватает его и ныне, когда под парад суверенитетов и спешное сочинение «великой», в первую очередь, русофобской, истории разобщенных народов заполыхали национальные конфликты в разных уголках бывшего Союза!

Как же похоже происходящее сейчас в «горячих точках» на описанное народным поэтом Беларуси Якубом Коласом в далеком 1942 году:

В развалинах, в прахе лежат города,
А села – одни пепелища,
Где ветер гуляет и стонет беда
В разрушенных скорбных жилищах.
Смерть бродит по краю.
В полях и в лесах
Могилы всё гуще и гуще…

Именно общая для всех народов СССР Родина помогла выстоять и победить. Там не было деления на языки и национальности. И лишь много позднее, на руинах без войны погибшей великой страны стало окончательно ясно – там, где на первый план выдвигается исключительно национальное – язык ли, история, литература, непременно за вспышкой русофобии следует кровавый конфликт. Недаром стремление к «национальному самосознанию» столь старательно пестуют не только националисты всех мастей, но и те силы на Западе, которые их поддерживают. Ибо дружба и единство народов для них означает конец мечтаний о мировом господстве и уничтожении славянства…

Но вернёмся к долгожданному десятому тому, увидевшему свет совсем недавно. Его выход совпал с героической гибелью во время спецоперации на Украине Ивана Лукина, и потому вполне понятно и оправдано посвящение издания памяти героя-пулеметчика.

В книге представлены произведения авторов, родившихся с 1946 по 1955 годы. Это поколение тех, кто родился сразу после войны, застал голодное послевоенное детство, видел на улицах безногих фронтовиков, передвигавшихся на грохочущих деревянных подпорках с подшипниками – к Международному фестивалю молодежи и студентов в Москве 1957 года всех их дружно и навсегда убрали с улиц… Это поколение тех, чьи отцы прошли победным маршем по европейским столицам, а вернувшись домой, обнаружили, что им и дальше суждено жить несравненно беднее тех, кого они только что победили. Но это поколение и тех, кто был свято убеждён, что всё равно живёт в самой великой и самой справедливой стране мира… Среди авторов, чья жизнь в той или иной степени связана с Беларусью, в книге представлены, кроме автора этих строк, Владислав Артёмов, Глеб Артханов, Сергей Белозёров (1948-2002), Николай Васьков (1946-2015), Владимир Зайцев (1948-2014), Сергей Законников… Жаль, что уходит от нас и поколение детей. Но как здорово, что новым поколениям останутся их стихи, благодаря антологии «Война и Мир».

Вот как пронзительно писал об этом времени, так и оставшийся малоизвестным (даже фотографии не удалось отыскать) минский поэт Николай Васьков:

Не забавы ради, но попросту,
Покоряясь молчком судьбе,
Мы с братишкой
спешим за хворостом,
Потому что зима в избе.
И набравши в лесу валежника,
Тащим санки назад, в село,
Все бодримся: скоро подснежники,
Вот тогда и придет тепло.
Топит печь наша мать, довольная,
Шепчут губы: «Спасибо, сыны…»
И слетает слеза невольная
На чумазые чугуны.
А потом на горячей, ласковой,
Раздобревшей русской печи
Брат мой потчует меня сказками
Про волшебные калачи.

А это строки о послевоенном подвиге материнства поэта Глеба Артханова:

Оголодала мать… И я в её утробе…
Кровя её скупы, надежды окромя…
Во скудости своей
смешались крови обе,
И ткали жизнь мою,
неслышимо гремя…
Девчачью плоть её
война едва питала,
Расщедривая пасть
детдомовским пайком.
Великопостная страна не доедала,
Ощипывала свет
щепотью и тайком…
В кровизнушке моей
не жир течёт, а сухо
Течёт горячий свет,
творимый силой той,
Что сам – из светов свет,
сам – светлый дух из духов, –
Напитывая суть
всей манной золотой…

Про свои стихи говорить не буду. Отмечу только, что в публикацию попали знаковые для меня вещи: «Грушевка», «…Я з Крыніц… Жыва пакуль…», «Голодуха», «Автобус в пятьдесят четвёртом» и другие…

Знаю, что работа над антологией далеко не закончена. Из планировавшегося к изданию десятитомника издание стало пятнадцатитомным. Плюс уже набралось произведений на три дополнительных тома. Так что читателя ожидает ещё множество встреч с яркими и самобытными стихами о войне. Войне, которую ни в коем случае забывать нельзя. Ибо забывчивость такого рода чревата новыми войнами. Да и как же можно обеспамятовать так, чтобы не понимать значение прошлого в списке смыслов человеческого существования. Как же без прошлого, если события его опять повторяются и повторяются.

Листая вёрстку одиннадцатого тома (в котором читателя ждёт много встреч и с белорусскими авторами, и со стихами о многострадальной Беларуси), читая новостные ленты, вдруг вспомнил сти-